

Н.Н. Шпанов

Заговорщики. Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н11 **Н.Н. Шпанов**
Заговорщики. Книга 2 / Н.Н. Шпанов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 306 с.

ISBN 978-5-458-04116-4

Роман «Заговорщики» представляет собою продолжение романа «Поджигатели». Переработанные автором пролог и эпилог прежних изданий романа «Поджигатели», посвящённые событиям 1948-1949 годов, перенесены в роман «Заговорщики».

ISBN 978-5-458-04116-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023
© Н.Н. Шпанов, 2023

Николай Николаевич Шпанов

Заговорщики

Книга вторая

Перед расплатой

Часть четвёртая

*Вершина мачты корабля — Нового
Китая — уже показалась на горизон-
те,
рукоплещите, приветствуйте его!
Радуйтесь, Новый Китай принадле-
жит нам!
Мао Цзе-дун*

1

В монгольской степи, всхолмлённой беспорядочно сталкивающимися грядками плешистых бугров и изрезанной морщинами каменистых оврагов, стоял одинокий, заброшенный монастырь.

Глинобитная стена вокруг монастыря местами обрушилась. Под приземистой пагодой ворот давно не было решётчатых створок. Квадраты окон с выломанными переплётами глядели в степь чёрными провалами.

Никто не помнил, когда последний лама пользовался этим убежищем.

Долгое время после ухода лам вокруг этого места растекалось зловоние — неразделимая смесь вековой копоти, тлеющих тряпок, чеснока и тухлятины. Но со временем пронзительный ветер пустыни очистил щели, из которых не могли вытащить пададь шакалы и крысы, солнце прокалило развалины.

Днём над черепичной крышей поднимался мощный столб воздуха. Он был ещё более горяч, чем над пустыней вокруг. К этому столбу слетались степные орлы. Восходящий поток давал им возможность парить целыми часами. Орлы кружили над каменным квадратом, высматривая барсуков и полевых мышей.

Ночами обвалившиеся своды храма и длинных переходов, как огромный каменный рупор, посылали в молчание степи заунывный плач шакалов.

Некоторое время из монастыря доносился ещё мелодичный перезвон колоколов. Иногда даже глухо гудел большой бронзовый гонг. Это случалось, когда ветер пустыни врвался в кумирню.

Среди ночи этот звон казался не только удивительным, но и страшным.

Ламы, бежавшие во Внутреннюю Монголию и в Тибет под крылышко далай-ламы, попробовали было пустить слухок: боги, мол, прячутся в недоступных глазу закоулках своего жилища; боги выходят по ночам и дают знать, что живы. Не спеша позванивает бубенчиками тихий Наго-Дархи, суля богатые пастбища; потрясает сразу всеми шестью золотыми руками свирепый Джолбог-Кунаг, грозя напустить на нечестивцев злого духа в дороге, лишить их богатства и своей защиты от пуль на войне.

Но как ни старались ламы, их шопоту не за что было зацепиться в Новой Монголии. Порыв ветра пронёс слух по степи мимо людских ушей и бесследно развеял его вместе с тучей колючего песка над раскалёнными камнями Гоби.

Боги всё-таки умерли. Колокольцы пригодились пастухам.

Перезвона в храме не стало слышно даже в самое ветреное время. Ни горячий гобийский вихрь, ни морозный буран с Забайкалья не заставляли больше греметь большой бронзовый гонг Чеподыля.

Так вместе с богами умерли и последние «священные» звоны в степи. Она жила теперь только теми звуками, какие рождает земная жизнь. Как голос далёкого прибоя, шуршала под ветром трава, доносился из-под облака орлиный клёкот, и истошно плакали ночами шакалы.

Прислушиваясь к их лаю, Бельц время от времени машинально хватался за пистолет. То и дело он спотыкался об острые камни и посылал проклятия темноте и бесшумно двигавшемуся впереди Хараде.

Ещё больше проклятий приходилось на долю гоминдановских механиков и американских моторов. Бельца не покидала уверенность: будь на месте китайских механиков немцы, не было бы аварии. Он сбросил бы Хараду над указанной точкой и не тащился бы теперь по этой чёрной пустыне, навстречу смерти в монгольской тюрьме.

Бельц вытащил раздавленную парашютной лямкой пачку сигарет. Но тут же убедился в том, что на ходу закурить не удастся, а остановиться — значило отстать от Харады. Слуга покорный! Он уже испытал удовольствие искать японца в темноте после посадки.

Теперь он старался не терять из виду едва различимый силуэт майора.

— Алло, Харада-сан! — сказал Бельц. — Давайте передохнем.

Японец пробормотал что-то неразборчивое. Бельц не мог понять, остановился Харада или нет. Лёгких шагов японца не было слышно и на ходу.

— Харада-сан! — раздражённо повторил Бельц и тут же неожиданно увидел силуэт майора рядом с собою.

— Решаюсь привлечь ваше благосклонное внимание к моему скромному мнению, — сказал японец. — Я бы не позволил себе зажигать спичку.

— На пятьсот километров в окружности нет ни души.

— Моей ограниченности не дано знать, на каком расстоянии от нас имеются живые люди.

— Люди в пустыне? Не валяйте дурака! — грубо сказал Бельц.

— И все же позволяю себе заметить: мы находимся в чужой стране...

— Благодарю за открытие.

— Притом в весьма враждебной стране.

— Весьма полезная справка.

— Эти скромные соображения дают мне основания думать, что зажигание огня даже в виде маленькой спички было бы несвоевременным, — уже не скрывая раздражения, повторил Харада.

— Будь трижды проклято все это дело и все ваши соображения! — сквозь зубы пробормотал Бельц.

— Я очень сожалею о ваших мыслях...

— Когда порядочный человек попадает в такую паршивую историю, он имеет право выкурить сигарету, даже если из-за этого могут повесить его уважаемого спутника, — насмешливо сказал Бельц.

Харада вежливо втянул воздух сквозь зубы и тихо рассмеялся.

При этом Бельц представил себе выпяченные вперёд, большие, как у лошади, жёлтые зубы японца и всю его опротивевшую лётчику физиономию. Просто счастье, что её не видно в темноте!

Свое раздражение против подведшего его мотора Бельц переносил на Хараду, которого должен был сбросить на парашюте над территорией Монгольской На-

родной Республики. Теперь Бельцу казалось глупостью собственное опрометчивое предложение отвезти этого зубастого майора.

Вот плоды немецкого усердия! В этой стране они, повидимому, вовсе неуместны.

— Вы уверены, что идёте именно туда, куда нужно? — спросил Бельц тем же недовольным тоном.

По молчанию японца он заключил, что тот колеблется. В этом колебании не было ничего удивительного. Бельц помнил, с каким трудом они выбирали точку для выброски парашютиста. Эта точка, помеченная на карте трудно произносимым словом «Араджаргалантахит», вероятно, находится несколько к юго-западу от места, где они потерпели аварию. Но было ли до неё десять километров, или тридцать, или, может быть, все сто, немец не мог теперь сказать. Он потерял ориентировку в момент падения самолёта, последние данные маршрута вылетели у него из головы.

Если бы не тупая уверенность, с которою семенил впереди него японец, Бельц попросту лёг бы в какую-нибудь яму и подождал рассвета. Ему казалось, что при свете дня он мог бы ориентироваться.

— Собственно говоря, что такое этот Араджар...?

Он запнулся.

Добавляя к каждой согласной гласную, Харада старательно выговорил:

— Арадажарагаранатахита?.. Храм, покинутый вследствие разрушения веры в богов.

— За каким же чортом вы идёте именно туда?

— Так сказано в моей инструкции.

— Эта инструкция для вас одного.

— Ваше присутствие не имеет для меня значения... Я бы совсем не хотел, чтобы меня нашли монголы.

— Идёмте к границе, там нас найдут свои.

Японец опять звучно втянул воздух.

— Решаюсь заметить: «свои» нас искать не будут.

— Вас не будут, а меня будут, — презрительно возразил Бельц.

— Позволяю себе думать: вас тоже никто не будет искать.

Бельц понимал, что это правда, но с такой правдой сознание не хотело мириться. Нужно было верить, что кто-то о нем заботится. За ним пошлют самолёт. Вопреки доводам разума и реальной возможности, Бельц должен был этому верить. Иначе нужно было бы сейчас же пустить себе пулю в лоб. Слишком нелепо было бы допустить, что всё должно кончиться именно так и именно тут. Столько лет благополучно прослужив в немецкой авиации, закончить карьеру в роли наёмника какого-то гоминдановского генерала, и даже не в бою, а из-за глупейшего недосмотра китайского механика...

Вдруг ярко сверкнувшая мысль заставила Бельца остановиться: «Небрежность механика?» А что, если дело вовсе не в небрежности и даже не в неумении обращаться с американской техникой? Что, если это умысел?..

Чем дольше Бельц над этим думал, тем больше ему вспоминалось всяческих мелочей, свидетельствовавших о том, что на большой авиационной базе, американско-чанкайшистской авиации, которой так хвастались когда-то японцы, а теперь хвастаются Ведемейер и Ченнолт, далеко не все обстоит так блестяще, как ка-

жется американцам. Сотни самолётов, базирующихся на аэродром Цзиньчжоу, содержатся чорт знает как. Тысячи тонн боеприпасов разбросаны открыто по всему аэродрому в блаженной уверенности, что у красных нет бомбардировочной авиации. А эти постоянные аварии при взлётах и посадках из-за ям, неожиданно-негаданно появляющихся по всему лётному полю! А вечно портящиеся в воздухе моторы, отказывающие взрыватели!.. И так без конца! На одну бы недельку пустить сюда молодчиков Гимmlера, они навели бы надлежащий порядок. Чан Кай-ши понял бы, что недостаточно налево и направо раздавать заподозренным пули в затылок, недостаточно выворачивать им руки, ломать ребра, отрезать языки и уши. Тут нужно что-то потоньше примитивного средневекового устрашения. Если Бельцу удастся вернуться в Цзиньчжоу, а это должно удалиться, он настоит на том, чтобы в его секторе были введены немецкие способы слежки за техническим персоналом. Непременно нужно будет ввести заложничество механиков, может быть даже круговую поруку всех механиков полка за каждый испортившийся в полёте самолёт. Это будет надёжно. Хотя, впрочем, что надёжно-го может быть в такой удивительной стране, где даже кровожадный палач Чан Кай-ши не может никого запугать?! Господи, только бы вернуться в Цзиньчжоу!

— Послушайте, Харада-сан... Я больше не желаю искать эту проклятую курмирию! — крикнул Бельц в темноту.

В ответ послышалось спокойно-равнодушное:

— Как вам будет угодно.

— И вы тоже не пойдёте к ней.

— Я позволю себе не согласиться... — японец прошипел: — почтительнейше не соглашаюсь с вами.

— Повторяю: вы не пойдёте туда!

— Именно пойду.

Японец приблизился. Бельц смутно различил его лицо.

— Я иду обратно. И вы идите со мной, — сказал лётчик.

— Моя инструкция... — снова начал было японец, но Бельц не стал слушать.

— Мой приказ...

— Позволю себе напомнить, тёсё какка, приказывать мне может только тот, кто послал меня сюда.

— Тут старший я!

— Извините, но вы для меня только шофёр. — Японец, словно извиняясь за такое сравнение, особенно сильно потянул воздух. — Именно так: шофёр, позволю себе сказать с особенной настойчивостью, — Харада поклонился.

Ударить его по темени или пустить в это темя пулю — вот чего больше всего на свете хотелось сейчас Бельцу. Но он не мог себе позволить такого удовольствия. Только сказал:

— Вы не сделаете дальше ни одного шага.

— Мы можем опоздать к цели.

— Когда я отдохну, мы пойдём к границе... Садитесь!

Харада послушно опустился на корточки. Его силуэт стал похож на кучу камней, о какие поминутно спотыкался Бельц. Немец сразу успокоился: он заставит японца вывести его к границе. До всего остального ему нет дела.

Бельц пошарил вокруг себя ногою, пытаясь отыскать что-нибудь, на что можно было бы сесть. Ничего не нашупав, опустился прямо на землю.

— Как хотите, а я должен закурить, — сказал он через несколько минут, снова вынув смятую пачку, и стал на ощупь расправлять сломанную сигарету.

Так же на ощупь Бельц чиркнул спичкой и прикурил из горсти.

— Хотите? — спросил он японца, протягивая сигареты.

Харада не дотронулся до пачки и ничего не ответил.

Бельц, докурив, повторил:

— Отдохнём и пойдём к границе.

Он сказал это больше для самого себя, чем для японца.

И снова не получил ответа.

Бельц передвинул кобуру с пистолетом на живот. Он пожалел, что в темноте японец не может видеть его движения: это было бы полезно.

Бельц опустил голову на руки, упёртые в неудобно растопыренные колени. Он задумался. Одна мысль была противнее другой. Было просто удивительно, сколько прожитых лет может пробежать в памяти человека за несколько минут. В эти мгновения, когда, борясь с усталостью, Бельц пытался отогнать овладевавшую им сонливость, его взор уходил в прошлое.

Как в окне мчащегося поезда, мелькали события детства, кадетский корпус, служба в авиации. Западный фронт первой мировой войны, поражение и скучная работа в Люфт-Ганзе, год почти ничегонеделания рядом с запутавшимся в своих сомнениях Эгоном Шверером, и опять война. Тут воспоминания сделались более отчётливыми: Польша в развалинах от немецких бомб, горящая Варшава, оккупация Франции, воздушный блиц над Англией, оказавшийся кровавой опереткой, рассчитанной на обман простаков, которым незачем было знать о том, что творится за кулисами этой «битвы за Англию»... Возвращение в транспортную авиацию, вызов к рейхсмаршалу и посылка в личный отряд фюрера; за этим снова приятная служба пилотом рейхсмаршала, производство в генералы и командование личным отрядом Геринга, многочисленные полёты во все страны Европы и неизменное возвращение с трофеями. Потом пожар от бомбы, уничтожившей квартиру вместе со всеми трофеями, метание между ставкой и Восточным фронтом... Тёмные слухи, идущие с востока; превращение немецкой авиации из ястреба, безнаказанно клюющего добычу, в затравленную ворону, от которой во все стороны летят окровавленные перья. Немцы, которые хотели и отважились следить за передачами радиостанций «Свободная Германия», могли слышать советские сводки. А эти сводки говорили, что события развиваются с молниеносной быстротой. 21 апреля слово «Берлин» уже упоминалось в связи с действиями советской пехоты и танков.

«...Гитлеровцы пытались любой ценой не допустить выхода наших войск к Берлину. Они сняли с других участков фронта ряд дивизий и ввели в бой все запасные части. Гитлеровцы построили огромное число долговременных сооружений, а также широко разветвлённые полевые укрепления. Наши войска мощным ударом сломили ожесточённое сопротивление противника... Места боев завалены тысячами трупов немецких солдат и офицеров... Немецкое командование, стремясь преградить путь советским войскам, бросило в бой все имеющиеся силы. Берлинские военные школы прекратили занятия, а курсанты и обслуживающий персонал посланы на фронт. Гитлеровцы объявили в Берлине поголовную мобилизацию мужчин от 15 до 65 лет...»

Эфир все чаще доносил до слуха немцев слово «Берлин». Оно звучало уже не

только в устах дикторов-подпольщиков «Свободной Германии», а и в сообщениях самого гитлеровского командования. Но нацисты умудрялись так затемнять истинный смысл событий, что подчас создавалось впечатление, будто осталось несколько минут до окончательной победы Германии. Однако тот, кто хотел знать, что его ждёт, закрывал двери подвала, втайне прижимал к ушам наушники радио и слушал суровую правду возмездия:

«Слушайте сводку Советского информационного бюро...

Наши танки и пехота, наступающие с северо-востока, заняли пригороды Берлина Бланкенбург, Мальхов и ворвались в пригород Вейссензее. Весь день шли ожесточённые бои. Советские штурмовые группы, усиленные орудиями, очищали квартал за кварталом, подавляя вражеские узлы сопротивления».

«Вражеские» узлы сопротивления... «Вражеские»!

Мысль берлинца, дрожащими пальцами прижимающего наушник, спотыкается об эти слова. Он старается понять смысл термина «вражеский», пропускает несколько слов сообщения и, окончательно освоившись с тем, что «вражеский» — это значит гитлеровский, слушает дальше:

«Заняты фабрика „Ределер“, трамвайный парк, электростанция и ряд промышленных предприятий, превращённых немцами в опорные пункты обороны. К исходу дня наши части...»

Такие знакомые места!

«Наши части»... «наши»?.. Ах да, ведь это же русские!

«...наши части полностью заняли пригород Вейссензее и ведут бои в районе окружной железной дороги. Наши войска, наступающие с востока, мощным ударом прорвали долговременную оборону немцев в полосе озёр и заняли пригороды Берлина Мальсдорф, Фихтенау и Вильгельмсхаген. Ожесточённые бои произошли также за Фюрстенвальде — мощный опорный пункт обороны немцев юго-восточнее Берлина. Сильными ударами советские части выбили гитлеровцев из северной части города. К исходу дня вражеский гарнизон был полностью разгромлен и отступил в беспорядке. Противник несёт огромные потери. По неполным данным, за день уничтожено до восьми тысяч немецких солдат и офицеров. Бои на Берлинском направлении продолжаются днём и ночью, не стихая ни на час...»

Господи боже, восемь тысяч немцев в день! Восемь тысяч... Ещё восемь тысяч к тем миллионам, которые уже заплатили своей кровью за безумие Гитлера... Кровь, кровь, кровь!..

Обессиленные пальцы берлинца выпускают наушники, и, уронив голову на приёмник, он разражается истерическим рыданием. Но его рыданий никто не слышит. Они заглушаются грохотом канонады, громом авиабомб, воем мин и рокотом непрекращающихся обвалов. Падают стены, рушатся дома, горят кварталы и целые предместья. Германия платит камнями и кровью Берлина по последнему счёту народов.

С этой адской музыкой смешивается стук ротационной машины в подземной типографии геббельсовской газетёнки «Ангрифф». Полумёртвый от страха и голода печатник глазами сумасшедшего смотрит на мчащуюся ленту бумаги. Краска оставляет на ней последние паскудные следы творчества пьяницы Роберта Лея:

«Священная миссия фюрера.

Вчера, в день рождения фюрера, я думал об этом несравненном муже, об его исторической миссии и о сверхчеловеческих усилиях, затраченных им для спасения германского народа.

Что было бы, если бы Адольф Гитлер не принёс нам свою идею? Что случилось бы с германским народом, если бы провидение не подарило нам этого человека?

Сопротивление германского народа не будет сломлено, ибо нельзя сломить Адольфа Гитлера».

Ни «Ангрифф», ни какую-либо другую газету уже нельзя разносить по Берлину. Штабеля свежих номеров, распространяющие клозетную вонь краски-эрзаца, загромаждают улицу возле типографии. Проползающий мимо взвод фолькштурмистов расхватывает газеты и тут же, под стеной, утилизирует их для своих надобностей. У солдат почти непрерывный понос от животного страха, эрзацев хлеба, эрзацев масла и эрзацев правды, которыми их пичкает Гитлер.

— Бумага теперь такая редкая штука в Берлине! Если она есть, нужно её использовать!..

— Эй, Ганс, — кричит один фолькштурмист другому, — лик дорогого фюрера оставил у тебя чёрный след...

Но ни один из них не решается произнести, хотя оба думают про себя. «Господи, хоть бы нашёлся кто-нибудь, кто пустил бы в эту рожу пулю. Может быть, я ещё остался бы тогда жив...»

Такие мысли в головах девяти из десяти берлинцев уже катастрофа для гитлеровского режима, но господа на нацистском Олимпе ещё не представляли себе её истинных размеров или сознательно закрывали на неё глаза, хотя и самый Олимп уже переехал под землю и скрывается в бункере Гитлера. Потерявшие рассудок божки ещё грызутся за власть. Едва ли не все действующие лица кровавого фарса являются тайными соперниками друг друга.

Гиммлер настороженнее чем когда-либо следит за Герингом, намереваясь использовать момент, когда «наци № 2» всадит нож в спину «наци № 1». Тогда Гиммлер попробует влезть на вершину кучи, повесив Геринга.

Борман следит и за Герингом и за Гиммлером.

Втихомолку наушничает Гитлеру на всех трех адмирал без флота Дениц, рассчитывая принять от фюрера власть в приближающийся неизбежный день, когда Гитлер должен будет исчезнуть.

Все это в большей или меньшей степени ясно уже всякому наблюдательному человеку, который, подобно Бельцу, повседневно трётся среди кукол берлинского гиньоля. Можно было только удивляться тому, что Геринг был ещё способен острить:

— Чорт побери, если бы в своё время покушение на фюрера удалось, мне ведь пришлось бы теперь действовать!..

Слушатели опускали глаза. Ни у кого не хватало духу ответить, хотя все понимали, почему именно теперь рейхсмаршалу приходят на память панические дни сорок четвёртого года. Только Гиммлер шептал на ухо Деницу:

— Не знаю, что знает Геринг, а я-то знаю: только не он!

Но и Дениц молчит. Он знает то, чего ещё не знает и Гиммлер. Гитлер сказал адмиралу с глазу на глаз в своём бункере под имперской канцелярией:

— Только не Геринг и не Гиммлер!.. Я говорю это вам, так как хочу, чтобы именно вы были готовы ко всему.

Дениц слушает теперь Гиммлера с неподвижным лицом. Он ещё боится рейхсфюрера СС. Он не хочет стать объектом его охоты.

Геринг мечется между имперской канцелярией и Каринхалле, где Эмма Зоннеман наблюдает за укладкой всего, что её «милый Герман» хочет спасти от русских. Багаж все сокращается и сокращается. Сначала его упаковывали в огромные ящики, которые хотели вывезти на грузовиках: тут было всё, что свозилось в замки Геринга на протяжении пяти лет войны. Потом эти ящики были заброшены: не осталось шофёров, которым можно было доверять, не стало и грузовиков. Под надзором Эммы заготовили длинные чехлы и кожаные сумки для картин и драгоценностей — единственного, что уже можно было вывезти на нескольких легковых машинах; наконец, прижимая к себе испуганную восьмилетнюю Эдду, Эмма принялась сортировать и драгоценности, чтобы решить, что можно увезти на самолёте. И вот наступил час бегства Геринга с Эммой и Эддой. Гитлер принял это бегство за попытку рейхсмаршала захватить власть, сговорившись с американцами...

Борман с радостью поддержал слух об измене Геринга. Он тут же, 23 апреля, позвонил Гитлеру в подземелье имперской канцелярии:

— Герман организовал путч. Он намерен обосноваться на юге. Он приказал большей части правительства, переехавшей на север, немедленно явиться к нему. Мы должны помешать вылету членов правительства на юг. Необходимо лишить Германа всех постов и чина рейхсмаршала. От вашего имени я уже поручил генерал-фельдмаршалу Грейму командовать воздушными силами.

— Он не генерал-фельдмаршал! — сварливо заметил Гитлер.

Это было единственное, что он нашёлся возразить.

— Ваш приказ об его производстве в генерал-фельдмаршалы уже передан по телеграфу, — ответил Борман. И так, поспешно, чтобы не дать Гитлеру перебить себя, продолжал: — Через офицера связи вице-адмирала Фосса Деницу уже приказано принять меры к тому, чтобы ни один самолёт на севере не мог подняться без его личного разрешения.

— Расстреливать в воздухе... — прохрипел Гитлер. — Сейчас же, немедленно отдайте приказ: «В случае моей смерти все лица, совершившие предательство 23 апреля, должны быть расстреляны без суда и следствия там, где будут застигнуты». — И после минутного молчания продолжал: — Борман, составьте документ, о котором должны знать мы двое: если я умру, Геринг должен быть уничтожен, где бы его ни нашли. Слышите, Борман: уничтожен во что бы то ни стало! Власть не достанется ему, даже в случае моей смерти, не достанется!

— Будет сделано, — с готовностью согласился Борман.

Можно было подумать, будто ни Гитлер, ни Борман, ни остальные не имеют представления о творящемся на фронте. Но даже если бы им не говорили правды их генералы, то перед всеми главарями нацистской шайки лежали немецкие переводы сводок советского командования за то же самое 23 апреля:

«Войска 1-го Белорусского фронта, развивая успешное наступление, ворвались в столицу Германии Берлин. Противник яростно сопротивляется, но под ударами советских войск оставляет одну позицию за другой. Ожесточённые бои происходили в северо-восточной части Берлина. Немцы ввели в бой несколько пехотных полков и до 40 отдельных батальонов. Опираясь на укрепления, построенные у линии окружной железной дороги, противник неоднократно